

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-34-47

**Япония в оценках советского руководства
и дипломатов 1940–1945 гг.
(по материалам Архива внешней политики
Российской Федерации)**

И.А. Дегтев

Аннотация. В настоящей работе на основе материалов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) рассматриваются оценки советского руководства и дипломатов в отношении Японии и её политики в период 1940–1945 гг. Исследование представляет собой анализ источников официального и личного характера, в частности, межгосударственных соглашений и дипломатической переписки СССР и Японии, дневников Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Токио Я.А. Малика. В первой части статьи анализируются представления советского руководства о Японии в начале 1940-х гг. и утверждается, что оценка Японии в официальной риторике зависела от внешних обстоятельств и факторов: динамики изменения баланса сил в Европе и договоренностей между державами по Антигитлеровской коалиции. Если вначале Москва воспринимала Японию как дружественную страну на основании пакта о нейтралитете 1941 г., то с момента денонсации этого пакта в 1945 г., ввиду приближающейся победы над Германией, и последующим объявлением войны Японии, официальная позиция СССР кардинально меняется. Вследствие этих перемен вновь актуализируются некогда вытесненные негативные коннотации Страны восходящего солнца, что естественным образом отражается на содержании официальной переписки и советской печати. Во второй части работы представлен анализ записей дневников советского посла в Токио Малика, где обнаруживаются частные оценки японской политики того времени. Отмечается, что интерпретация событий сквозь призму марксистско-ленинской оптики во внешней политике определяла Японию в качестве империалиста и поработителя азиатских народов. Во внутренней же политике Малик был склонен к разделению японского населения по социально-экономическому признаку – «японцев» и «японский народ», имея в виду тех, кто эксплуатирует, и тех, кто находится в эксплуатации соответственно. В целом, дневниковые записи Малика позволяют проследить динамику изменения настроений в среде японской элиты в период войны – от излишней самоуверенности в собственных силах до всё более проявляющегося пораженческого духа. Таким образом, с привлечением новых исторических источников удаётся расширить представление о Японии 1940–1945 гг. среди советского руководства и дипломатов.

Ключевые слова: СССР, Япония, Дальний Восток, пакт о нейтралитете, советско-японские отношения.

Автор: Дегтев Иван Андреевич, студент 2 курса магистратуры, Институт истории СПбГУ (адрес: 193060, Санкт-Петербург, ул. Менделеевская линия, 5). E-mail: ivan.degtev@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дегтев И.А. Япония в оценках советского руководства и дипломатов 1940–1945 гг. (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) // Японские исследования. 2021. № 4. С. 34–47. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-34-47

Japan in the evaluations of the Soviet leadership and diplomats in 1940–1945 (Based on the materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation)

I.A. Degtev

Abstract. The article considers the evaluations of Japan and its policy in 1940–1945 by the Soviet leadership and diplomats on the basis of materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation. The research analyses official and personal sources, in particular, Soviet-Japanese agreements and diplomatic correspondence, as well as the diaries of the Soviet ambassador in Tokyo Yakov Malik. The first part of the article considers the views of the Soviet leadership on Japan in the early 1940s and argues that the evaluation of Japan in the official rhetoric depended on external circumstances and factors: the dynamics of changes of the balance of power in Europe and coordination between the powers of the anti-Hitler coalition. While, in the beginning, Moscow saw Japan as a friendly country, based on the Soviet–Japanese Neutrality Pact, later, since the denunciation of this pact in 1945, in view of the coming victory over Germany and the declaration of war against Japan, the Soviet Union’s official position changed. As a result of these changes, we can see the return of negative connotations of Japan, which was reflected in the contents of the official correspondence and the Soviet press. The second part presents an analysis of the Soviet ambassador in Tokyo Yakov Malik’s diaries, which demonstrate private evaluations of Japanese policy. It is noted that the explanation of events through the prism of Marxist-Leninist optics in foreign policy defined Japan as an imperialist power and an enslaver of Asian peoples. In domestic politics, Malik tends to divide the population of Japan by socio-economic characteristics – the “Japanese” and the “Japanese people”, i.e., those who exploit and those who are exploited, respectively. In general, Malik’s diaries allow us to trace the dynamics of the changing mood among the Japanese elite during the war. So, with the involvement of new historical materials, it is possible to expand the understanding of Japan in 1940–1945 among the Soviet leadership and diplomats.

Keywords: USSR, Japan, Far East, the Neutrality Pact, Soviet-Japanese relations.

Author: Degtev Ivan A., student, Institute of History of Saint Petersburg State University (address: 5, Mendeleevskaya liniya Str., Saint Petersburg, 193060, Russian Federation). E-mail: ivan.degtev@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Degtev I.A. (2021). Yaponiya v otsenkakh sovetskogo rukovodstva i diplomatov 1940–1945 gg. (po materialam Arkhiva vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii) [Japan in the evaluations of the Soviet leadership and diplomats in 1940–1945 (Based on the materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 4, 34–47. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-34-47

Введение

Исследование внутренней и внешней политики Японской империи в период Второй мировой войны представляет определенный интерес. Это актуально как в свете недавнего тренда, направленного на рассекречивание документов и публикацию российскими службами неизвестных архивных материалов¹, посвященных отдельным сюжетам советско-японской истории, так и в связи с попытками иначе взглянуть на отношения России и Японии. Данная работа ставит задачу на основе исторических документов переосмыслить оценки и взгляды советских дипломатов и политических деятелей в отношении Японии 1940–1945 гг.

Источниковую базу исследования составили дела Архива внешней политики Российской Федерации² (АВП РФ), фонда секретариата В.М. Молотова – документы официального и личного характера. В первой группе источников представлены межгосударственные соглашения, служебная переписка глав внешнеполитических ведомств и дипломатических сотрудников СССР и Японии. Так, в их числе – советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. и заявление о его денонсации в 1945 г., переговоры (зафиксированы на письме) и телеграммы наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с главой МИД Японии Мацуока Ёсукэ и японскими послами в Москве – Татэкава Ёсицугу и Сато Наотакэ. Вторая группа источников состоит из дневников Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Токио Я.А. Малика. Данный материал любопытен тем, что в нём сообщается о частных и неофициальных оценках японской политики того времени. Конечно, такого рода информация не особо актуализировалась в советской печати, однако непременно поступала руководству страны в форме отчетов и донесений. Вместе с тем стоит отметить, что данный канал связи мог выступать важным источником формирования представлений о Японии у советской политической элиты. В частности, данный тезис подтверждается в работе отечественного исследователя А.С. Ложкиной, где анализируется эволюция образа Страны восходящего солнца в СССР с 1931 по 1939 гг. [Ложкина 2009].

Создание Маликом портрета Японии определялось наличием ряда факторов. С одной стороны, это общение советского дипломата с государственными и общественными деятелями Японии, послами и посланниками других иностранных государств, выступавшими источником информации и сообщавшими о разных оценках и мнениях, с другой – собственный взгляд на события (с позиций марксистско-ленинской оптики) и самостоятельный анализ, не лишенный предвзятости. Кроме того, некоторые записи Малика отчетливо демонстрируют влияние «исторического груза конфликтов, претензий и обид» на тональность содержания дневника, среди которых поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг., интервенция Японии на Дальнем Востоке [Ложкина 2008, с. 283].

¹ Тайны японской «Барбароссы». Федеральная служба безопасности. http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/japanbarbarossa.htm (дата обращения: 06.09.2021); ФСБ: Япония планировала применить бактериологическую бомбу в 1944 году // РИА Новости. 16.08.2021. <https://ria.ru/20210816/bomba-1745859461.html> (дата обращения: 06.09.2021); ФСБ рассекретила документы об испытаниях биооружия Японии на гражданах СССР // РИА Новости. 20.08.2021. <https://ria.ru/20210820/biooruzhie-1746484884.html?in=t> (дата обращения: 06.09.2021).

² Архив внешней политики Российской Федерации. <http://agk.mid.ru/>

Япония в риторике советского руководства

Период 1930-х гг. в истории советско-японских отношений характеризуют как крайне сложный и напряженный. Как правило, это можно объяснить результатом политического курса самой Японии в эти годы, а также нахождением во власти страны сторонников агрессивной политики, искавших решение внутренних проблем во внешней экспансии. В это время известны случаи как пограничных конфликтов с СССР, так и военных провокаций на Дальнем Востоке со стороны Японии. Однако, несмотря на, казалось бы, ухудшение геополитической ситуации в регионе, с началом 1940-х гг. между странами происходит «потепление», кульминацией которого становится подписание пакта о нейтралитете в 1941 г.

Ещё в июле 1940 г., в беседе с В.М. Молотовым, японский посол Того Сигэнори от имени правительства предложил советской стороне заключить соглашение о нейтралитете сроком на пять лет. В своём ответе Молотов заявил, что проект Того будет изучен, и одновременно выразил надежду, что с заключением договора прекратятся «враждебные выступления официальных и военных лиц Японии против СССР»³. После назначения нового посла – Татэкава Ёсицугу – переговоры, начатые Того, прекратились. На этот раз японское правительство сделало другое предложение: заключить пакт о ненападении (по аналогии с советско-германским договором 1939 г. [Воробьева 2010, с. 30]). Молотову был вручён проект документа сроком на 10 лет. Однако советское руководство вместо пакта о ненападении предложило заключить пакт о нейтралитете. Такой вариант устроил японскую сторону и послужил базой для дальнейших переговоров, что в скором времени привело к подписанию и ратификации итогового акта⁴.

Можно утверждать, что в первой половине 1940-х гг. пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. являлся краеугольным камнем в деле восстановления советско-японских отношений. С одной стороны, в рамках процесса нормализации отношений он расценивался как шаг в установлении и поддержании мирных контактов, с другой – имел следствием изменение советской риторики в отношении Японии и её политики. Показательно, что в это же время руководство Советского Союза во многом отказалось от негативных коннотаций дальневосточного соседа в средствах массовой информации [Коршенко 2018, с. 121]. Таким образом, в программном документе Япония определялась в качестве страны, которая уважает интересы, территориальную целостность и неприкосновенность Советского Союза и союзных ему государств⁵.

Над вопросом восстановления контактов с Москвой и создания в глазах высшего советского руководства дружественного облика Японии работали ряд японских политиков. Одним из тех, кто прикладывал усилия в этом направлении, был министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ. В частности, на приёме у Молотова 7 апреля 1941 г. Мацуока заявил, что «одной из больших задач его поездки в Европу, помимо обмена мнениями с руководителями Германии и Италии после заключения тройственного пакта, является осуществление сближения с СССР»⁶. В беседе он высказал мнение, что смотрит на поддержание отношений

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 388. Л. 1.

⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 388. Л. 2–3.

⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 387. Л. 14.

⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 383. Л. 6.

с Советским Союзом не с позиции временных интересов, а с точки зрения их улучшения на более длительный срок – 50–100 лет. «Хорошие отношения между обеими странами могут способствовать миру во всем мире, и чем дружественнее эти отношения, тем больше они будут способствовать этому миру», – заключил Мацуока, при этом отмечая, что сказанное является его личной оценкой⁷.

Так, после заключения пакта и по случаю отъезда на родину, Мацуока прислал Молотову телеграмму, в которой говорилось, что подписанный документ направил обе нации на новый путь дружбы, и что он будет служить маяком в улучшении советско-японских отношений⁸. Наряду с этим заслуживает внимания тот факт, что, со слов Мацуока, он представлял себя сторонником советской инициативы по заключению пакта о ненападении между СССР и Японией в 1932 г. При этом политик аргументировал сделанный тогда отказ советскому правительству тем, что японское руководство и общество страны к этому было ещё не готово. (Выражаясь иначе, «это предложение расходилось с замыслами японских правящих кругов» [Ложкина 2008, с. 266]). Выясняется, что в дальнейшем Мацуока проводил уже индивидуальную работу относительно заключения пакта о ненападении. В результате, заняв пост главы министра иностранных дел в 1940 г., он пришёл к выводу о необходимости предложить Советскому Союзу подписать соответствующий документ.

Посыл, который закладывался на этапе налаживания официальных контактов, и восторженные речи с обеих сторон по поводу перевода советско-японских отношений на мирные и дружественные рельсы позитивно сказывались на оценках Японии. «Выражаем твёрдую уверенность, что вошедший в силу Пакт о нейтралитете является основой дальнейшего улучшения советско-японских отношений, развитие которых с удовлетворением встретят народы наших государств», – отмечали Сталин и Молотов⁹. В официальной советской риторике и общественности Страна восходящего солнца воспринималась уже не как агрессор и враг, а как друг и партнёр, склонный к решению проблем и уважению интересов другой стороны. Одновременно с этим, несмотря на сложную международную обстановку – нападение Германии на СССР, союзнические обязательства Берлина и Токио по блоку, разыгравшуюся войну в Тихом океане – пакт о нейтралитете сохранял силу и продолжал выступать центральным документом в архитектуре советско-японских отношений в данный период. Это сохранялось даже при наличии острых вопросов, для которых, как заявлялось, можно было найти решение. В их числе договоренность о ликвидации японских угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине. Изначально проблема должна была решиться в течение нескольких месяцев, не позже октября 1941 г., исходя из взятого Японией на себя обязательства, однако окончательно вопрос был снят с повестки только в первой половине 1944 г. Тогда, как отмечает А.А. Кошкин, Япония продемонстрировала Советскому Союзу своё «дружелюбие», не желая ухудшения отношений [Кошкин 2017].

Вне всякого сомнения, напряженная обстановка и неясный исход войны в Европе побуждали обе стороны следовать общим принципам пакта и избегать нежелательных столкновений друг с другом. Известен случай, когда наличие такого рода документа в определённой мере сыграло на руку японскому руководству. Так, в мае 1943 г. советское

⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 383. Л. 7.

⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 413. Л. 17.

⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 387. Л. 33.

правительство развеяло опасения Японии по поводу возможного предоставления СССР своей территории на Дальнем Востоке третьему государству. В письме В.М. Молотову посол Сато Наотакэ заявлял о введущихся между японскими и американскими войсками боях на острове Атту¹⁰. В связи с этим, полагал Сато, допускается, что США могли обратиться к советскому руководству с просьбой предоставить им военную базу в местностях, прилегающих к острову, например, на Камчатке. Однако со своей стороны Молотов указал, что, так как между государствами действует политика мира и добрососедских отношений, СССР не рассматривает передачу своей территории и будет неуклонно придерживаться этой линии в будущем. Ранее эта же позиция была озвучена советским послом в Токио К.А. Сметаниным в августе 1941 г. [Того 1996, с. 24]. Таким образом, данное решение находилось в соответствии с духом пакта о нейтралитете¹¹.

Несмотря на декларируемые дружественные отношения, в советско-японском взаимодействии в период войны часто происходило столкновение интересов. В частности, стороны обменивались дипломатическими заявлениями в адрес друг друга, но до прямых вооруженных столкновений дело не доходило. Нередко Япония обвинялась в несоблюдении пакта о нейтралитете, говорилось и о противоречии с Пекинским договором 1925 г. В числе таких советско-японских инцидентов – задержание пароходов «Каменец-Подольск» и «Ингул» в 1943 г., мартовский протест Москвы 1944 г. по поводу ведущейся силами японской армии и русских белоэмигрантов враждебной Советскому Союзу деятельности в Маньчжоу-го, Шанхае, Тяньцзине¹².

Касательно задержания судов советское правительство неоднократно высказывало мнение о незаконности действий японских властей. Объявлялось, что позиция СССР, опирающегося на общепризнанные принципы и нормы международного права, юридически обоснована и не может быть оспорена, тогда как позиция японской стороны лишена законного основания считать «подвергнутые задержанию и аресту пароходы “Каменец-Подольск” и “Ингул” непринадлежащими Советскому Союзу»¹³. От имени правительства Молотов заявлял, что, по существу, операция произведена по политическим мотивам: «В силу обстоятельств задержание и арест в течение более месяца двух советских пароходов, что нарушило нормальные условия для советского пароходства на Дальнем Востоке, не может не рассматриваться иначе, как нарушение со стороны Японии советско-японского пакта о нейтралитете»¹⁴.

Инцидент с арестом двух пароходов стал по большому счёту следствием политики японского руководства, которое 8 декабря 1941 г. объявило проливы Лаперуза, Цугару и Корейский своими «морскими оборонительными зонами» [Ливенцев 2010, с. 87]. Такой дипломатический демарш стал приводить к частому задержанию советских судов. Известно, что японцы систематически и без всякой причины не только задерживали советские суда, но и в ряде случаев топили их при помощи подводных лодок и самолётов. Всего за 1941–1944 гг. было задержано 178 судов, потоплены суда «Кречет», «Майкоп», «Перекоп» [Ливенцев 2010, с. 87].

¹⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 435. Л. 2.

¹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 435. Л. 3.

¹² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 803. Л. 14.

¹³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 431. Л. 9.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 431. Л. 10.

Однако с наступлением 1945 г. советско-японские отношения, недавно перезапущенные подписанием пакта о нейтралитете, приостанавливаются, что обусловлено стратегическим изменением расклада сил в Европе и приближающейся победой над гитлеровской Германией. При этом Ялтинская конференция, состоявшаяся в феврале 1945 г., уже рассматривалась лидерами Антигитлеровской коалиции как некое преддверие скорого окончания войны в Европе и перехода к наступлению на Японию. В связи с этим, неудивительно, что на конференции было достигнуто соглашение о вступлении Советского Союза в войну против Японии после того, как произойдет капитуляция Германии¹⁵. Логично, что при всём этом у советской стороны отпадала необходимость в продлении пакта о нейтралитете, срок которого истекал в апреле 1946 г.

Ощущая скорое поражение, на встрече с В.М. Молотовым 22 февраля 1945 г. японский посол Сато Наотакэ от имени правительства озвучил предложение о пролонгации соглашения. Японской стороной предпринимались попытки выйти из конфликта с минимальными потерями и трудностями, с которыми могло бы столкнуться государство в будущем. Показательно, как писал в январе 1945 г. заместитель Молотова С.А. Лозовский Сталину, если «в первый период советско-германской войны мы были заинтересованы больше, чем японцы, в сохранении пакта», то «начиная со Сталинграда японцы заинтересованы больше, чем мы, в сохранении пакта о нейтралитете» [Славинский 1996, с. 85]. Так, приняв 5 апреля 1945 г. японского посла, Молотов сделал заявление о денонсации документа. Советско-японские отношения возвращались к положению, в котором они фактически находились до заключения пакта. Одним из главных аргументов в пользу такого решения явилось то, что после подписания соглашения с Японией обстановка в мире в корне изменилась: «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в её войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление Пакта стало невозможным»¹⁶. С этого момента усилия официальных властей были направлены на актуализацию в общественном пространстве негативных коннотаций и осуждение политики Японии. Страна вновь стала расцениваться как враг и агрессор, но уже с той оговоркой, что она продолжает обрекать на страдания и дальнейшие жертвы азиатские народы.

Показательно, что после объявления войны в августе 1945 г. в советской прессе сразу же развернулась пропаганда в поддержку враждебного восприятия Японии. В газетных заголовках того времени присутствовали такие формулировки, как «*Японский агрессор будет разгромлен!*»¹⁷, «*Злодеяния японского империализма*»¹⁸, фразы «*Японская военщина*»¹⁹, «*Агрессивная нация*»²⁰, «*Япония – это государство фашизированных империалистов*»²¹ и др.

Таким образом, если в начале первой половины 1940-х гг. в официальной советской риторике прослеживалась одна оценка Японии, когда в центре внимания находились темы

¹⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 29. Л. 1.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 898. Л. 5.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 903. Л. 7.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 903. Л. 19.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 903. Л. 8.

²⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 903. Л. 8.

²¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 903. Л. 34.

восстановления и поддержания советско-японских отношений, то с момента денонсации пакта о нейтралитете в 1945 г. ввиду приближающейся победы над Германией и последующим объявлением войны Японии официальная позиция СССР кардинально меняется, в связи с чем происходит отход от ранее заявленного курса. Исследователями утверждается, что, подписав договор о нейтралитете в апреле 1941 г., советское руководство не преследовало цели изменить систему стереотипов о дальневосточном соседе, которая сложилась до этого времени [Коршенко 2018, с. 121]. Однако совершенно очевидно, что история советско-японских отношений в военный период и подписание пакта о нейтралитете тесно связаны со сложной дипломатической игрой, которую вели державы начиная с 1940 г. [Воробьева 2010, с. 26]. С одной стороны, договор позволил обезопасить советские дальневосточные рубежи на случай конфликта с Германией и выиграть время для подготовки к войне, с другой – стратегически мотивированное установление контактов с Японией повлекло в известной мере к поддержанию положительной оценки Страны восходящего солнца в официальной риторике и средствах массовой информации.

Япония и японская политика в оценках советского дипломата

Частные и неформальные оценки Японии и японской политики встречаются в материалах дневников Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Токио Я.А. Малика (1942–1945), которым на основе его встреч с высокопоставленными японскими политиками были собраны ценные сведения о внешней и внутренней политике Японии, курсе и планах её правительства в годы Второй мировой войны. В целом, среди тех, с кем Малику довелось беседовать, были министры иностранных дел Японии Тани Масаюки (1942–1943) и Сигэмицу Мамору (1943–1945), заместитель министра иностранных дел Мацумото Сюнъити, бывший посол Японии в СССР Татэкава Ёсицугу. Более того, Малик также имел тесные контакты с болгарским, шведским и афганским посланниками – Янко Пеевым, Видаром Багге и Зул Факаром соответственно, а также турецким послом Ахмед Ферит Тек. При этом, круг вопросов, поднимавшийся на этих встречах, был чрезвычайно широк – от решения советско-японских государственных задач до разъяснения закулисных планов японского правительства, что нашло отражение в записях Малика. Таким образом, дневники советского посла могут представлять определённый научный интерес, поскольку зафиксированные сведения позволяют проследить динамику изменения настроений в среде японской элиты в период войны – от излишней самоуверенности в собственных силах до всё более проявляющегося пораженческого духа.

Однако, в первую очередь, при знакомстве с записями Малика обращают на себя внимание его наблюдения о существовавшей в Японии зависимости «военщины» от финансовых кругов, вылившейся в напряжённое противостояние с момента поражений Японии на фронтах Тихого океана²². Очевидно, что неудачи Японии не могли не сказаться на репутации военных, сосредоточивших всю полноту власти в своих руках. Не желая более мириться с бездумной политикой и оплачивать бессмысленные «рискованные авантюры» военных, всё увереннее стали заявлять о своих претензиях на непосредственное участие в государственном управлении финансовые и промышленные группы, влияние которых,

²² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 31.

отмечает Малик, в последние годы войны было налицо²³. В связи с этим закономерны формулировки дипломата о том, что, хотя по состоянию на 1943 г. внутривнутриполитическая жизнь Японии и была подчинена интересам «ведущей силы», то есть генералитету, последние же «решающей силой» не являлись, поскольку «воочию убедились, что воевать без прочной опоры на хозяев страны нельзя»²⁴.

Так, кульминацией столкновения интересов финансовых и военных кругов явилась реорганизация в апреле 1943 г. кабинета премьер-министра Тодзё (Тодзио) Хидэки после 81-й сессии парламента, на которой премьера уже тогда открыто упрекали в «бюрократическом эгоизме» и нежелании использовать «талантливых людей», тем самым намекая на крупнейших капиталистов²⁵. Таким образом, именно тогда, как утверждает Малик, «военщина и экстремистский лагерь» были вынуждены окончательно признать «свою неспособность дальше “безраздельно и самостоятельно” хозяйничать и властвовать в стране без полного учёта пожеланий финансово-промышленных и аграрных кругов и более внимательного прислушивания к их голосу»²⁶. Обновление кабинета произошло по той причине, что «в условиях нынешней обстановки военно-экстремистская клика и лично Тодзё принуждены добиваться взаимного понимания с руководителями финансовых концернов, прекрасно отдавая себе отчёт, что без концернов и банков нельзя осуществлять власти»²⁷. «Нынешняя обстановка», о которой говорит Малик, состояла в том, что для Японии всё яснее становилась призрачность победы в войне, а неудачи заправлявшего всем в стране генералитета ситуацию только ухудшали. Требовались коренные изменения внутри правительства, не проведя которых, военные рисковали окончательно потерять доверие и помощь со стороны крупного капитала.

Понимая это, «острому» премьеру, как характеризует Малик Тодзио, тем не менее, приходилось лавировать между военными и финансовыми сторонами, идя на компромиссы и приспособляясь к политической обстановке²⁸. Главной его «жертвой» стало обновление своего кабинета, когда взамен «безобидных» министров – Тани, Юдзава, Хасида и Ино, занимавших посты министра иностранных дел, юстиции, просвещения и земледелия и сельского хозяйства соответственно, в состав правительства на эти должности вошли люди, так или иначе связанные с финансовыми и промышленными корпорациями Японии – Сигэмицу Мамору, Андо Кисабуро, Ямадзаки Тацуносукэ и Тадао Оаса²⁹. «Приход в состав кабинета прямых ставленников крупного финансового капитала, – заключал по этому поводу Малик, – объективно должен несколько ослабить элементы авантюризма в политике японского правительства и усилить элементы осторожности, некоторой “умеренности” и более тщательного продумывания, взвешивания и подсчёта всех плюсов и минусов при зачинании новых крупных и рискованных авантюр»³⁰.

Рассматривая внешнеполитическую сторону Японии, Малик отмечает, что японское правительство, маскируя свои хищнические намерения и порабощение азиатских народов,

²³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 43.

²⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 31.

²⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 40.

²⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 31.

²⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 32.

²⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 33.

²⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 13.

³⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 43.

стремилось, по существу, построить собственную сферу влияния и установить «новый порядок» в Восточной Азии. Нередко, утверждает в своих записях Малик, такая политика прикрывалась лозунгами «строительство сферы процветания», «эмансипация Азии», «борьба азиатских народов против англо-саксонского рабства»³¹. В этом смысле данный внешнеполитический курс Японии рассматривался её властями как отказ от всего навязанного Западом, что, естественным образом, подразумевало возвращение Азии к своей «восточной оригинальности»³². К примеру, выступая по радио в сентябре 1943 г., бывший специальный посланник Японии в Вашингтоне Курусу Сабуро обратился к народам Латинской Америки с призывом не вмешиваться в азиатские дела, поскольку, на его взгляд, Восточная Азия под руководством Японии в данный момент ведёт ту же самую борьбу за освобождение от «европейского влияния», что и страны Латинской Америки полтора века назад. Однако Малик считал, что подобные выступления японских дипломатов были всего лишь попытками повысить международный авторитет Японии «невоенными средствами», что вполне справедливо³³.

Кроме того, рассматривая записи Малика, можно заметить, что дипломат был склонен разделять японское население на две (основные) группы – «японцев» и «японский народ», тем самым имея в виду тех, кто эксплуатирует и является частью современной политической системы, и тех, кто находится в эксплуатации соответственно. Косвенное подтверждение данной мысли можно найти в работе А.В. Трегубенко, где, в частности, автор рассматривает возникшую тенденцию в советской прессе «к разделению понятия “население Японии” не только по социально-экономическому признаку (буржуазия, рабочий класс, крестьянство), но и по политическому». К примеру, «если в октябре 1945 г. советская пресса писала о японцах, “воспитанных в духе непримиримой ненависти к другим народам”, которые “с детства готовились стать солдатами”», то в декабре того же года «появляется термин “японский народ”, “стремящийся к демократизации государственного строя страны”». Таким образом, заключает Трегубенко, очевидное противоречие (что «японцы» не являются частью «японского народа») объяснялось тем фактом, что, как правило, в советской прессе «народом» назывались те слои японского общества, которые разделяли коммунистические взгляды на устройство Японии [Трегубенко 2012, с. 184–185].

Подобные же оценки в отношении этих двух групп мы можем обнаружить в записях Малика тех лет. Для сравнения, «японцы», по мнению Малика, представляли собой колонизаторов, открыто хваставшихся своей политикой и «восточноазиатским ренессансом», и фальсификаторов, преднамеренно извращавших «западную культуру» с целью вернуть азиатские народы к восточным началам³⁴. Однако наряду с подобными характеристиками Малик отмечал своеобразие «японцев», о чём может свидетельствовать его беседа со шведским посланником Багге и сотрудником миссии Эриксоном в мае 1942 г.: «Японцы в силу своих расовых, физических, бытовых, исторических и других особенностей, а также в результате особой и своеобразной системы воспитания, обычаев и традиций не могут полностью ассимилироваться с другими народами, в другой стране и сфере, чувствуют себя в окружении иностранцев, особенно западноевропейцев и американцев, принижеными и

³¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 48.

³² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 60.

³³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 427. Л. 118.

³⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 61.

ущемлёнными»³⁵. Говоря же о японских народных массах, советский посол считал, что они «господствующими классами превращены в покорных рабов» самой Японии³⁶.

Отдельного внимания заслуживает тот момент, что, исходя из записей Малика, за два года до окончания войны ситуация в Японии приобретает полностью военизированный характер, когда для нужд страны направлены все её материальные и человеческие ресурсы. «Мирная жизнь, – пишет Малик, – и мирные настроения больше недопустимы. Между фронтом и тылом нет больше разницы»³⁷. В оставленных Маликом свидетельствах, с одной стороны, подтверждается переход работы государственно-административного аппарата Японии на военный лад, а с другой – фиксируется процесс всесторонней мобилизации по укреплению обороны страны. Так, план по усилению внутривластной структуры государства, принятый японским правительством в сентябре 1943 г., Малик именуется «тотальной мобилизацией»³⁸. По его мнению, утверждение данного документа явилось реакцией на недавнюю капитуляцию Италии, а также было продиктовано ухудшением военного положения Японии. В числе принятых мер Малик выделяет мобилизацию женщин, отмену системы отпусков, увольнений и отсрочек призыва в армию студентов всех университетов, кроме технических учебных заведений, повышение убежденности народа в победе, создание системы продовольственной автаркии³⁹. Однако, поскольку данный комплекс мер «в условиях ухудшающегося состояния страны» оказался недостаточно эффективным, в феврале 1944 г. японское правительство было вынуждено принять уже новый план, состоящий из 15-ти чрезвычайных «эпохальных» мероприятий. Хотя эта программа обманчиво и преподносилась прессой как «путь к победе», всё же она говорила об обратном: 1. Милитаризация и унификация производства; 2. «Упрощение жизни» – внушение народу переносить любые тяготы и лишения; 3. Закрытие ресторанов и увеселительных заведений; 4. Ужесточение системы наказаний и усиление деятельности суда и прокуратуры; 5. Принудительная трудовая мобилизация для военных целей⁴⁰. Таким образом, все эти меры доказывали то, что к началу 1944 г. положение Японии на фронтах Тихого океана стало угрожающе шатким.

Вдобавок, обозначилась и другая проблема. Произшедшие к тому времени поражения японского флота в крупных битвах у атолла Мидуэй и в Коралловом море и последовавшее затем отступление японцев из ранее захваченных территорий способствовали формированию напряженной атмосферы в высших японских кругах, чего, по словам Малика, не скрывала даже пресса⁴¹. Складывалось ощущение, что после разгрома союзной Германии страну ждёт поражение и неминуемая капитуляция, и это не могло не отразиться на атмосфере встреч Малика с его японскими коллегами – бывшим послом в СССР Татэкава Ёсицугу и советником японского посольства в Москве Миякава Фунао, о содержании которых можно судить по записям дневников. Дипломат замечал, что на этих встречах участники вдавались в «рассуждения» о ближайшей судьбе Японии, которую видели печальной. Так, результатом встречи Малика с Татэкава и Миякава в январе 1944 г. стало его

³⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 68.

³⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 426. Л. 50.

³⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 805. Л. 157.

³⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 427. Л. 160.

³⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 427. Л. 128–129.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 805. Л. 152–154.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 805. Л. 276.

следующее заключение: «Япония реально начинает ощущать приближающееся к ней грозное дыхание современной войны. Эта страна вступила в полосу большого экономического и военного напряжения. Угар первоначального военного оптимизма у японцев прошёл. С тревогой японцы ожидают дальнейшего ухудшения для себя военной внешнеполитической обстановки и возможности непосредственных ударов противника по собственно Японии»⁴².

Подобным характером была проникнута и встреча Малика с министром иностранных дел Японии Сигэмицу Мамору, посвящённая трёхлетней годовщине подписания пакта о нейтралитете. Несмотря на торжественный характер, совещание, по свидетельству Малика, продемонстрировало растущую тревогу Японии, ввиду её недавних военных неудач. Теперь Япония была озабочена только собственным выживанием, укреплением позиций в Восточной Азии и, что гораздо важнее, сохранением нейтральных отношений с Советским Союзом. Таким образом, у японцев, понявших, что война на два фронта им не по силам, наступило, по словам Малика, «отрезвление». «Япония, – разумно подытоживает на страницах своего дневника Малик, – оказалась в таком военном и внешнеполитическом положении, когда пакт о нейтралитете с СССР, вопреки ожиданиям самих японцев, оказался весьма и весьма полезным и выгодным для самой Японии. Решено за это пакт ухватиться покрепче...»⁴³. Данное утверждение Малика небезосновательно, ведь даже бывший министр иностранных дел Японии Того Сигэнори (1941–1942) годами позже в своих воспоминаниях находил политическую ситуацию в стране в начале 1944 г. критической и так же заявлял о необходимости для Японии ни в коем случае не ухудшать отношения с СССР – иначе продолжать войну не было никакого смысла. В частности, в его записях фигурируют следующие строки: «Поскольку дальнейшее продолжение войны стало для Японии столь тягостным, к проблеме России следовало подходить уже не просто с точки зрения сохранения ею статуса невоюющей стороны, а с точки зрения прекращения войны» [Того 1996, с. 434].

Рассматривая материалы дневников Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Токио Я.А. Малика, мы можем говорить о наличии дошедших до нас ценных сведений, особенно касающихся внешней и внутренней политики Японии в период войны. Дневники отражают не только свидетельства кадровых изменений в японском правительстве и его экспансионистских планов, но и истории отдельных переживаний, забот и размышлений о собственной стране японцев, которым была не безразлична её судьба, и с которыми Малику за годы пребывания в Японии удалось повстречаться и пообщаться.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можем прийти к следующим выводам.

Во-первых, как показывает исследование, оценка Японии и японской политики в официальной советской риторике во многом зависела от внешних обстоятельств и факторов: динамики изменения баланса сил в Европе и договоренностей между державами по Антигитлеровской коалиции. Если вначале Москва воспринимала Японию как дружественную страну на основании пакта о нейтралитете 1941 г., то с момента денонсации этого соглашения в 1945 г., ввиду приближающейся победы над Германией, и последующим

⁴² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 805. Л. 83.

⁴³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 805. Л. 366.

объявлением войны Японии официальная позиция СССР кардинально меняется. Вследствие изменения отношения к Японии вновь актуализируются некогда вытесненные негативные коннотации Страны восходящего солнца что, естественным образом, отражается на содержании официальной переписки и советской печати.

Во-вторых, можно говорить о двух уровнях оценки Японии советским послом в Токио Маликом – внутривнутриполитическом и внешнеполитическом. В частности, показано, что судьба Японии во многом зависела от баланса сил между военными, сторонниками экспансионистской политики и крупными финансово-промышленными кругами, а также достигнутого между ними компромисса. Интерпретация событий сквозь призму марксистско-ленинской оптики во внешней политике определяла Японию в качестве империалиста, с одной стороны, склонного к территориально-политической экспансии, стремящегося к формированию подконтрольной сферы влияния в Восточной Азии и установлению в регионе прояпонских режимов, с другой – открыто заявляющего претензии на мировое господство. Пропагандой и средствами массовой информации такие действия прикрывались стремлением к достижению мира и гармонии между народами, а также освобождением от англо-саксонского рабства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Воробьева Т.А. Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. в современной отечественной историографии // Вестник ВятГУ. 2010. № 2(1). С. 25–38.

Коршенко С.В. Образ Японии и японцев в советском массовом сознании накануне и в период Второй мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург. 2018.

Кошкин А.А. Японский план «примирения» СССР с Германией // ИА Regnum. 26.05.2017. <https://regnum.ru/news/polit/2280056.html> (дата обращения: 15.08.2021).

Ливенцев Д.В. Потери гражданского флота Дальнего Востока в период Великой Отечественной войны // Берегиня.777.Сова. 2010. № 2(4). С. 86–92.

Ложкина А.С. Образ Японии в советском общественном сознании (1931–1939): автореф... дисс. кан. ист. наук. Москва. 2009.

Ложкина А.С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Ежегодник Япония. 2008. № 37. С. 259–284.

Славинский Б.Н. Ялтинская конференция и проблема северных территорий. Москва: Новина. 1996.

Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата / введение Б.Н. Славинского; предисловие Того Кадзухико. Москва: Новина. 1996.

Трегубенко А.В. Проблемы оккупации Японии в дискурсе советской прессы (1945–1951 гг.) // Научно-информационный журнал «Армия и общество». 2012. № 1(29). С. 183–189.

REFERENCES

Korshenko, S.V. (2018). *Obraz Yaponii i yaponcev v sovetskom massovom soznanii nakanune i v period Vtoroj mirovoi voiny* [The image of Japan and the Japanese in the Soviet mass consciousness on the eve and during the Second World War]. (Candidate of Historical Sciences Dissertation). Saint Petersburg. (In Russian).

Koshkin, A.A. (2017, May 26). Yaponskii plan «primireniya» SSSR s Germaniei [The Japanese Plan of «Reconciliation» of the USSR with Germany]. *IA Regnum*. Retrieved August 15, 2021, from <https://regnum.ru/news/polit/2280056.html> (In Russian).

Liventsev, D.V. (2010). Poteri grazhdanskogo flota Dal'nego Vostoka v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Losses of the Civil Fleet of Far East During the Great Patriotic War]. *Bereginya.777.Sova*, 2(4), 86–92. (In Russian).

Lozhkina, A.S. (2008). Yaponiya v predstavleniyakh vysshego sovetskogo rukovodstva 30-h godov: mifotvorchestvo i pragmatizm [Japan in the Views of the Top Soviet Leadership of the 30s: Myth-Making and Pragmatism]. *Yearbook Japan*, 37, 259–284. (In Russian).

Lozhkina, A.S. (2009). *Obraz Yaponii v sovetskom obshchestvennom soznanii (1931–1939)* [The Image of Japan in the Soviet Public Consciousness (1931–1939)] (Abstract of Candidate of Historical Sciences Dissertation). Moscow. (In Russian).

Slavinskii, B.N. (1996). *Yaltinskaya konferenciya i problema severnykh territorii* [The Yalta Conference and the Problem of the Northern Territories]. Moscow: Novina. (In Russian).

Togo, S. (1996). *Vospominaniya yaponskogo diplomata* [The Memoirs of a Japanese Diplomat]. Moscow: Novina. (In Russian).

Tregubenko, A.V. (2012). Problemy okkupatsii Yaponii v diskurse sovetskoi pressy (1945–1951 gg.) [The Problems of Japan's Occupation in the Soviet Press Discourse (1945–1951)]. *Nauchno-informacionnyi zhurnal «Armiya i obshchestvo»*, 1(29), 183–189. (In Russian).

Vorob'eva, T.A. (2010). Sovetsko-yaponskii pakt o neitralitete 1941 g. v sovremennoi otechestvennoi istoriografii [The Soviet-Japanese Neutrality Pact of 1941 in Modern Russian Historiography]. *Vestnik VyatGU*, 2(1), 25–38. (In Russian).